DOI 10.24249/2309-9917-2026-78-4-107-112

А.О. Скрынник (Москва, Россия)

Послания Петрарки к древним[1]

Аннотация: В статье рассмотрены литературные письма Франческо Петрарки, написанные на латинском языке Марку Туллию Цицерону (два письма), Сенеке Младшему, Марку Теренцию Варрону, Квинтилиану, Титу Ливию, Гаю Азинию Поллиону, поэтам Горацию, Вергилию и Гомеру. Внимание к данным посланиям обусловлено тем, что сам автор, подчеркивая их особенность, выделил их в отдельную заключительную книгу сборника «Писем о делах повседневных». Прослеживается контекст их написания, вызванного счастливой находкой автором манускрипта писем Цицерона в 1345 г. в епископальной библиотеке Вероны. Дается краткая характеристика посланий к древним, которые, кроме двух Цицерону, никогда не переводились на русский язык. Исследуется влияние писем Петрарки на литературу Ренессанса в свете культурного феномена *Respublica literaria*[2].

Ключевые слова: классическая филология, эпистолография, римская литература, итальянская литература XIV века, «Книга писем о делах повседневных», Петрарка

A.O. Skrynnik (Moscow, Russia)

Petrarch's Epistles to the Ancients

Abstract: The article examines Francesco Petrarch's Latin epistles addressed to Marcus Tullius Cicero (two letters), Seneca the Younger, Marcus Terentius Varro, Quintilian, Titus Livy, Asinius Pollio, and the poets Horace, Virgil, and Homer. The author underscored their unique status by placing them in the final, separate book of his collection "Letters on Everyday Affairs". The article explores the context of their composition, sparked by Petrarch's providential discovery of a Cicero manuscript in 1345 at the Chapter Library of Verona; a concise overview of these letters to the ancients is provided; notably, except for the two addressed to Cicero, they have never been translated into Russian. The influence of Petrarch's letters on Renaissance literature is examined in light of the cultural phenomenon of the *Respublica literaria*.

[1] В основу статьи положен доклад, прочтенный на XIII международной научной конференции «Романские языки и культуры: от Античности до современности» 27 ноября 2025 г.

[2] Настоящая статья представляет собой первый в отечественном литературоведении краткий обзор содержания всех десяти посланий к древним из книги XXIV *Rerum familiarium libri*, за исключением двух писем к Цицерону, переводы которых уже введены в научный оборот В.В. Бибихиным.

Key words: Classical Philology, Epistolography, Roman Literature, 14th-century Italian Literature, Rerum familiarium libri, Petrarch

В июне 1345 г. Франческо (Франциск) Петрарка находит в епископальной библиотеке Вероны рукописный кодекс с «Письмами» Цицерона к Аттику (из XVI книг), а также эпистолярными сводами к брату Квинту (III книги), Бруту (II книги) и апокрифом «Письмо к Октавиану».

С волнением и радостью от такой удачи Петрарка сразу же лично взялся переписывать эти собрания, поскольку писцы не обладали достаточной компетентностью[1].

Работа, вероятно, заняла не менее нескольких недель, к тому же незадолго до того он повредил руку при верховой езде, мчась ночью из осажденной миланцами Пармы 24 февраля 1345 г.[2] Готовый том был настолько велик, что он не смог хранить его в ларце для книг и был вынужден положить на пол[3,4].

Такое значимое открытие побудило Петрарку составить по Цицеронову образцу несколько эпистолярных сводов из некогда написанных им или сочиненных снова писем: «Книга без имени» (*Liber sine nomine*), «Метрические письма» (*Epistolae metricae*), «Старческие письма» (*Rerum senilium libri*), а также сборник из XXIV «Книг писем о делах повседневных» (*Rerum familiarium libri XXIV*, далее – Сборник); в последнюю, XXIV книгу Сборника он включает написанные им десять писем к классическим авторам древности: два послания к Цицерону и по одному к восьми ученым мужам – стоическому философу Сенеке Младшему, энциклопедисту Марку Теренцию Варрону, ритору Квинтилиану, историку Титу Ливию, государственному деятелю, автору и покровителю искусств Гаю Азинию Поллиону, поэтам Горацию, Вергилию и Гомеру – единственному греческому адресату[5,6,7].

В целом последняя XXIV книга состоит из 13 посланий, первые два из которых обращены к церковному деятелю епископу Филипу де Кабасолю и поэту Пуличе из Виченцы, за ними следуют письма древним, и наконец в последнем письме № 13, предназначенном его близкому знакомому Людовику де Беерингену (Ludwig van Kempen), выведенному под псевдонимом «Сократ мой», Петрарка особенно выделяет свои письма древним, отмечая, что вообще при составлении Сборника он «учитывал не столько тематику, сколько время; ибо за исключением *этих последних писем*, адресованных прославленным древним мужам, сознательно *собранных вместе* ввиду *одинаковости их новизны*… почти все прочие были [мною] расположены в порядке написания»[8,9].

Хотя Петрарка прославлен в итальянской и мировой литературе как творец поэтической «Книги песен» (*Il Canzoniere*), написанной на бытовавшем тогда варианте народного языка Италии – *вольгаре*, именно на *латинском*, а не народном языке написана наибольшая часть – более ¾ его совокупного литературного на-

[1] Или отказались разбирать ветхий кодекс, или не имели права доступа. См.: *Петрарка Ф.* Эстетические фрагменты. М.: Искусство, 1982. С. 345.

[2] *Hollway-Calthrop H.C*. Petrarch: His Life and Times. Methuen & Company, 1907. P. 114.

[3] *Billanovich G*. Petrarca letterato: I. Lo scrittoio del Petrarca. Edizioni di Storia e Letteratura, 1947. P. 4.

[4] *Bishop M.* Petrarch and His World. Indiana University Press, 1963. P. 229.

[5] *Петрарка Ф.* Эстетические фрагменты. М.: Искусство, 1982. С. 32.

[6] *Celenza C.S*. Petrarch, Latin, and Italian Renaissance Latinity // Petrarch and the Textual Origins of Interpretation / Ed. by V. Kahn and B. McCreesh. Leiden: Brill, 2007. P. 205–206.

[7] Сборник *Familiares*, наряду с другими собраниями писем Петрарки, таким образом, представляет собой монументальную *эпистолярную автобиографию* итальянского гуманиста.

[8] Здесь и далее переводы, вставки и выделения сделаны автором настоящей статьи.

[9] *Petrarca F.* Francisci Petrarcæ Epistolæ de rebus familiaribus et variæ. Vol. III. Florentiæ: Typis Felicis Le Monnier, 1863. P. 305–306.

следия (*oeuvre*), включая 350 писем Сборника, при этом адресатами почти всех из них, кроме упомянутых десяти посланий древним XXIV книги, выступают современники и друзья Петрарки.

Первые два письма древним, адресованные Цицерону, были ранее переведены на русский язык В.В. Бибихиным[1], последующие восемь имеют лишь иностранные переводы на итальянский, английский, французский и немецкий языки[2].

Ко времени позднего Средневековья и Ренессанса образовалась обширная классификация эпистолярных поджанров, отличавшаяся сложностью, узкой привязкой к правилам и привнесением концепций риторики в эпистолографию.[3] Открытие Петраркой частного (familiaris) письма античности послужило трансформации эпистолярного стиля Ренессанса в сторону большей простоты и естественности.

Первое письмо Цицерону примечательно тем, что оно обращено к адресату из древности, но как к близкому другу, что было в новинку: бытовавшая практика сочинения писем, известная как *ars dictaminis*, четко, вплоть до конкретных формул регламентировала их содержание и структуру, и, хотя существовали школьные упражнения по написанию фиктивных писем, никто не пытался сделать из них литературное произведение, к тому же написанное в интимно-личном, эмоционально окрашенном тоне прямого обращения с риторически выверенным порицанием фигуры классической древности.

Идея написать такое письмо, хотя и была навеяна Петрарке его открытием, продолжала его давнее ощущение, что произведения несут отпечаток личности творца[4,5].

Таким образом, при написании новых или редактировании уже написанных посланий Петрарка отступает от функционального средневекового стиля корреспонденции, отбрасывая в приветственной части письма формульное обращение в пользу личного и лаконичного:

(Petr. Fam. XXIV 3)

Franciscus Petrarca Marco Tullio Ciceroni S. P. D. salutem plurimam dicit («Франческо Петрарка сердечно приветствует Марка Туллия Цицерона»; по изд.: Fracassetti 1867)

Оба письма к Цицерону были написаны непосредственно после находки манускрипта его писем в 1345 г.[6]

Вначале Петрарка дает понять цель своего послания – со скорбью и милосердием оплакивать политическую и этическую непоследовательность, а также тщеславие как отрицательные черты в характере и поведении Цицерона – и объясняет, как он пришел к такому пониманию: благодаря прилежному чтению писем Цицерона.

Далее на протяжении всего письма Петрарка излагает и комментирует конкретные события в жизни Цицерона, скрупулезно перечисляя его «ошибки»: вовлеченность в contentionibus et prorsum nihil profuturis simultatibus («бесполезные

---

[1] См.: *Петрарка Ф.* Эстетические фрагменты. М.: Искусство, 1982. 367 с.

[2] См.: *Petrarca F.* Lettere... Vol. 3. Felice Le Monnier, 1865; Petrarch's Letters to Classical Authors... Chicago: The University of Chicago Press, 1910; *Petrarca F.* Le Familiari... Torino: Nino Aragno Editore, 2004–2015; *Petrarch F.* Letters on Familiar Matters … Vol. 3: Books XVII–XXIV / Translated by Aldo S. Bernardo. New York: Italica Press, 2005; *Petrarca F.* Familiaria... Band 2: Buch 13–24... Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009.

[3] *Almási G.* Humanistic Letter-Writing: https://d-nb.info/1031260838/34 (дата обращения: 03.04.2026).

[4] *Witt R.G.* In the Footsteps of the Ancients: The Origins of Humanism from Lovato to Bruni. Brill, 2000. P. 238–239.

[5] *Хлодовский Р.И.* Франческо Петрарка: Поэзия гуманизма. М.: Наука, 1974. С. 146.

[6] *Mazzotta G.* Worlds of Petrarch. Duke University Press, 1993. P. 310.

раздоры и распри»), отказ от otium («досуга» философа или состоятельного человека) ради adolescentium bellis («войн молодых») и falsus gloriae splendor («ложного блеска славы»), забвение советов брата и своих же собственных наставлений, его непоследовательные похвалы и осуждение отдельных лиц, смену политических союзов и мотивов, изменчивость его позиции по отношению к отдельным личностям – к Помпею и Цезарю, так резко контрастирующую с милосердием самого Цезаря, а также к Антонию и Октавиану[1].

Петрарка также ставит ему на вид furor in Antonium («безумие на Антония») и последующее политическое сближение с будущим императором Рима Октавианом, пребывая при этом в облике стойкого поборника Республики. В качестве финального аргумента в самом конце своего послания Петрарка открыто ставит под сомнение его верность декларируемым принципам, прибегая к словам Брута об Августе как о просто amiciorem dominum – «более приятном господине» для Цицерона.

Петрарка обращает к Цицерону целую серию риторических вопросов и восклицаний («heu», «ah!»)[2], взывая и к разуму, и к эмоциям; например:

> Nimirum quid iuvat alios docere … si te interim ipse non audias? («Что пользы учить других, если ты тем временем не слушаешь сам себя?»)

Также он выражает собственные эмоции печали, жалости и стыда в отношении Цицерона посредством глаголов doleo, miseret, pudet. Письмо оканчивается глубоко личным обращением Петрарки к Цицерону с использованием вокатива местоимения «mi» («мой», «мой дорогой»):

> Aeternum vale, mi Cicero («Навечно покойся, мой Цицерон»)

Петрарка использует в письме такие художественно-риторические средства, как антитеза, подчеркивая разницу между учением Цицерона и его действиями, риторические вопросы и апострофа в качестве прямого обращения к адресату, метафора по отношению к римлянину, например lumen in tenebris gestans («несущий свет во тьме»). При этом в своем втором письме Цицерону (Petr. Fam. XXIV 4) Петрарка, напротив, использует средства речевой выразительности, чтобы передать свою искреннюю признательность и восхищение его классической литературной латынью[3].

В письме Сенеке (Petr. Fam. XXIV 5) Петрарка выделяет философскую педагогику нравственных писем Сенеки, понимание им философии как повседневной практики стоической самодисциплины. В то же время, по критической оценке Петрарки, самосовершенствование Сенеки не выходит за пределы замкнутого тщеславного эгоцентризма, поскольку сенеканская философия не смогла повести его ученика Нерона, monster и bellua («чудовище» и «зверя»), по тому же пути стоического самопознания, по которому он направлял Луцилия. Трагедия Сенеки[4] «Октавия», обличающая Нерона, свидетельствует ведь и против него самого, ранее привечавшего Нерона в *De Clementia*, а Клавдия – *в De Consolatione ad Polybium*[5].

Послание Марку Теренцию Варрону (Petr. Fam. XXIV 6) свидетельствует об учености Варрона и содержит скорбное размышление об утрате его обширного литературного наследия. Петрарка дополняет свою оценку Варрона высоким мнением о

[1] *Charette D.* Petrarch's Literary Empire // The Political Science Reviewer. 2023. Vol. 47. № 2. P. 58.

[2] Междометия в письма вставлял и сам Цицерон. См.: *Albrecht M. von*. Cicero's Style: A Synopsis. Followed by Selected Analytic Studies. Brill, 2003. P. 53.

[3] Например: O Romani eloquii summe parens («О высокий отец римского красноречия»).

[4] Подлинность, т. е. атрибуция Сенеке, трагедии «Октавия» в настоящее время оспаривается.

[5] Ср. его критику раннего «культа» Сенеки у падуанских гуманистов и «Эцериниды» Муссато.

нем Цицерона и Августина. В письме Квинтилиану (Petr. Fam. XXIV 7) он отмечает значение magnum opus Institutio Oratoria римского теоретика красноречия, сетуя на современное пренебрежение классическим образованием. В послании Титу Ливию (Petr. Fam. XXIV 8) Петрарка выражает восхищение его преданностью делу сохранения римской истории, наполняя его характерной критикой упадка собственной эпохи, а в письме Азинию Поллиону (Petr. Fam. XXIV 9) выказывает уважение его достижениям как консула, полководца, оратора и литературного деятеля. Петрарка упоминает его счастливую жизнь и мирную кончину, сетуя на его относительную безвестность: его прижизненная слава померкла по утрате его трудов.

Письма Горацию и Вергилию (Petr. Fam. XXIV 10, 11) отличаются от прочих тем, что они написаны в поэтической форме в качестве оммажа к творениям римских поэтов[1]. Петрарка выражает свое восхищение мастерством Горация:

> Regem te Lyrici carminis Italus / Orbis … memorat («Лирики царя – Италия помнит тебя»)

Последнее, десятое прозаическое письмо Гомеру (Petr. Fam. XXIV 12) содержит обращение к нему как к musae principi, «начинателю поэзии», описывает старания Петрарки по переводу Гомера, трудности с греческим языком. Проникнутое глубоко личным тоном, послание подчеркивает его внимание к греческим началам поэзии.

Значение созданных Петраркой по образцу найденных им писем Цицерона эпистолярных собраний, включая *Familiaria*, в том, что они вернули эпистолярную прозу на видное место в литературе Ренессанса, которое в зрелом Средневековье под влиянием схоластики было занято комментарием и полемическим трактатом[2].

Частное письмо вновь стало средством передачи личных оценок, обмена мнениями и чувствами, – собрание Rerum familiarium, таким образом, явилось первопроходцем трансформации находившегося дотоле в четко очерченных *ars dictaminis* функциональных границах европейского литературного письма[3].

Другой важный вклад Петрарки в литературу заключался в увязке им высокого «элегантного» стиля латыни и красноречия, характерных для «гуманистической» традиции, с нравственным совершенствованием и добродетелью, что на примере писем древним проявляется как в этических оценках им поступков своих адресатов из прошлого, так и критике общекультурного состояния своей эпохи[4,5].

Для Петрарки произведения древних, которые он так постоянно[6] и так внимательно читал, были не просто книгами: они представляли собой отражение жизненного пути, биографии личностей, к которым он адресовал свои литературные послания на латинском языке[7]. Внося свой вклад в латинскую эпистолярную прозу – личный, откровенный и даже исповедальный тон, Петрарка содержательно и стилистически преображает латинское литературное письмо, ставшее на несколь-

---

[1] Письмо Вергилию, написанное в размере гекзаметра (тогда как Горацию написана ода), в первой же строке величает поэта «второй надеждой латинского языка» (Latiæ spes altera linguæ) подобно «второй надежде великого Рима» (magnae spes altera Romae) Юлу, сыну Энея, из Aen. XII.168.

[2] *Billanovich G*. Petrarca letterato: I. Lo scrittoio del Petrarca. P. 4–5.

[3] *Witt R.G.* In the Footsteps of the Ancients: The Origins of Humanism from Lovato to Bruni. P. 265.

[4] Ibid. P. 240.

[5] Petrarch: A Critical Guide to the Complete Works / Ed. by V. Kirkham and A. Maggi. University of Chicago Press, 2009. P. 309–310.

[6] См.: *Bishop M.* Petrarch and His World. P. 373.

[7] *Witt R.G.* In the Footsteps of the Ancients: The Origins of Humanism from Lovato to Bruni. P. 238–239.

ко веков основой нового интеллектуального направления Европы – *Respublica literaria*[1,2,3].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Петрарка Ф. Эстетические фрагменты. М.: Искусство, 1982. 367 с. / Petrarch F. (1982) Aesthetic Fragments. Moscow. Iskusstvo Publ. 367 p.

Хлодовский Р.И. Франческо Петрарка: Поэзия гуманизма. М.: Наука, 1974. 208 с. / Khlodovsky R.I. (1974) Francesco Petrarch: Poetry of Humanism. Moscow. Nauka Publ. 208 p.

Albrecht M. von. (2003) Cicero's Style: A Synopsis. Followed by Selected Analytic Studies. Leiden; Boston: Brill. viii, 281 p.

Almási G. Humanistic Letter-Writing: https://d-nb.info/1031260838/34 (дата обращения: 03.04.2026).

Billanovich G. (1947) Petrarca letterato: I. Lo scrittoio del Petrarca. Edizioni di Storia e Letteratura. 445 p.

Bishop M. (1963) Petrarch and His World. Indiana University Press. 399 p.

Celenza C.S. Petrarch, Latin, and Italian Renaissance Latinity. In: Petrarch and the Textual Origins of Interpretation / Ed. by V. Kahn and B. McCreesh. Leiden: Brill, 2007, pp. 205–206.

Charette D. Petrarch's Literary Empire. *The Political Science Reviewer*. 2023. Vol. 47. No 2, pp. 57–85.

Francisci Petrarcæ Epistolæ de rebus familiaribus et variæ. Vol. III. Florentiæ: Typis Felicis Le Monnier, 1863. 572 p.

Hollway-Calthrop H.C. (1907) Petrarch: His Life and Times. Methuen & Company. 319 p.

Mazzotta G. (1993) Worlds of Petrarch. Duke University Press. 248 p.

Petrarch: A Critical Guide to the Complete Works / Ed. by V. Kirkham and A. Maggi. University of Chicago Press, 2009. 568 p.

Petrarch F. Letters on Familiar Matters (Rerum familiarium libri). Vol. 3: Books XVII–XXIV / Translated by Aldo S. Bernardo. New York. Italica Press. 2005. 374 p.

Petrarch's Letters to Classical Authors / Translated from the Latin with a Commentary by Mario Emilio Cosenza. Chicago: The University of Chicago Press, 1910. 237 p.

The Cambridge History of Italian Literature. Cambridge University Press. 1996. 701 p.

The Oxford Handbook of Neo-Latin. Oxford University Press. 20154. 632 p.

Witt R.G. (2003) In the Footsteps of the Ancients: The Origins of Humanism from Lovato to Bruni. Brill. XIII, 562 p.

Сведения об авторе:

Андрей Олегович Скрынник,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Andrei Skrynnik,
Master's Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
skrynnikao@my.msu.ru

[1] The Oxford Handbook of Neo-Latin. Oxford University Press, 2014. P. 168–169.
[2] The Cambridge History of Italian Literature. Cambridge University Press, 1996. P. 106.
[3] «Республика ученых» в традиционном русском переводе – общеевропейская неформальная, супраполитическая среда эпистолярной коммуникации интеллектуалов, ученых, литераторов.